

Конечно, в это утро Вадиму следовало сидеть на лекции своего именитого тёзки и старательно её конспектировать: до кандидатского оставались считанные недели. Он и сам не мог понять, что заставило его выскочить из троллейбуса за две остановки до университета. Больше часа ехать с пересадками специально на эту лекцию – и вместо неё отправиться гулять в Александровский сад.

Может быть, винить стоило весну – весну, наконец-то пришедшую в Петербург. Пряный аромат юной зелени поднимался к прозрачному небу. Листики, которые только-только выбрались из почек, как бабочки из коконов, чуть поблескивали в дерзких утренних лучах. На газонах гадали воробы, выискивая что-то вкусненькое между тонких травинок.

Фонтан уже работал, и несколько ближайших к нему скамеек были заняты любителями утренних прогулок. Парочки – тоже, как видно, сбежавшие с лекций. Две дамы с книжками. Бабушки, выгуливающие внуков. Одна из таких бабушек сидела на любимой скамейке Вадима, и ему пришлось довольствоваться соседней.

---

* Впервые опубликован в сборнике рассказов по итогам конкурса «Петербург фантастический» (A Petro et a petra. СПб. : Сидорович, 2015).

Впрочем, скоро стало понятно, что никакого внука при бабушке не было, — она не отбывала семейную повинность, а пришла в парк для собственного удовольствия. Взгляд Вадима то и дело возвращался к ней.

Старушка смотрела на струи фонтана, чему-то слабо улыбаясь. Худые руки устали покоились на коленях, ветер чуть колыхал вуалетку крошечной шляпки и серебряные паутинки волос. Она казалась невесомой и хрупкой, будто египетская мумия. И такой же немыслимо древней...

Была ли то случайность? Или старушка и правда почувствовала его взгляд? Она повернула лицо к Вадиму и улыбнулась ему. Такой хорошей, дружеской улыбкой. И, будто он всю жизнь только этого и ждал, Вадим улыбнулся в ответ, вскочил и пересел на её скамейку, успев мысленно посмеяться над собой: «Как будто с девушкой знакомлюсь, честное слово!».

— Доброе утро! — произнесла старушка в ответ на его приветствие. — Вы тоже любите этот сад? Меня сюда часто тянет. Вот и сегодня. У меня талончик к врачу, а я пришла в парк. Прогульщица!

Она засмеялась так заразительно, что Вадим тоже не удержался от смеха. А потом признался:

— Я тоже прогульщик. Мне надо быть на лекции, а я сюда пришёл. Сам не знаю, что на меня нашло. Вдруг, ни с того ни с сего, возникло какое-то непреодолимое желание!

Старушка внимательно посмотрела на него своими бледно-голубыми глазами (Вадиму подумалось, что много лет назад они, наверное, были синими-синими) и сказала серьёзно:

— А вы знаете, ведь это было не ваше желание...

* * *

За удивительным утром последовал необыкновенный день. Вадим провёл его со своей новой знакомой — они сидели в саду, потом в кондитерской, и старушка рассказывала ему о своём детстве и блокадном отрочестве, о юности и первой любви, а потом о последней любви и о потерях. О долгой жизни, неразрывно связанной с одним городом.

Наконец Вадим увидел, что она устала. Очень устала. Он поймал такси и довёз её до дома. Думал проводить до парадной, но ей захотелось немного посидеть в маленьком скверике у дома.

— Я хочу сделать вам подарок, — сказала она. — Утром я проснулась и поняла, что до следующего утра уже не доживу. Не спорьте, я не напрашиваюсь на жалость, просто знаю, что умру сегодня ночью. Но сначала я должна кому-то передать вот это.

Она открыла сумочку и достала что-то маленькое, завёрнутое в батистовый платочек. Он принял у неё свёрток. Его тяжеловатая гладкость холодила ладонь. Вадим развернул платок: в нём лежал небольшой тёмный камень. Должно быть, выражение лица Вадима было чересчур красноречивым. Старушка улыбнулась и произнесла:

— Вы, конечно, думаете, что я выжила из ума? Позвольте мне рассказать вам историю этого камня. Мне было одиннадцать лет, когда я сама получила его в подарок — его и несколько его «братьев».

Она посмотрела на камень, словно ждала, что тот подскажет ей нужные слова, и продолжала:

— В блокаду мы жили в большой коммунальной квартире — я и мама. Папа воевал, и мы долго не получали от него вестей. У нас было много соседей, но одна женщина стала для меня не просто соседкой, но и старшей подругой. Тётя Элла. Я уже не помню, кем она была по профессии. Может быть, учительницей. Когда я о ней думаю, то вижу книги, много книг. Их становилось всё меньше и меньше, а сама тётя Элла всё тоньше и тоньше, как и моя мама, да и я, наверное...

Она помолчала. Вадим не торопил её.

— Однажды, — снова заговорила старушка, — когда мне было совсем плохо: от голода, холода, от страха за папу и жалости к маме... Тогда тётя Элла сделала мне подарок. Горстку камней. Сказала, что они волшебные. Это осколки тех камней, которые должен был привозить с собой каждый, кто приезжал в строившийся Петербург. Тётя Элла сказала, что эти камни могут исполнять желания, потому что сам наш город — это сбывающееся желание, воплощённая воля одного человека. Так он и возник — a Petro et a petra, от Петра и камня. Такого же камня. Нужно, стоя на мосту и глядя на Петропавловскую крепость, загадать желание и бросить камень в Неву.

— И вы... загадывали?

— Да. Я до сих пор не знаю, было ли в камнях волшебство, или просто судьба была к нам добра. Но всё сбылось. Мы выжили, папа вернулся с фронта. Я хранила эти камни всю жизнь. И даже взрослой

загадывала желания. С годами всё реже – ведь камней становилось всё меньше, и я их берегла. Взвешивала каждое желание и смотрела, смогу ли сама что-то сделать, чтобы оно исполнилось. Но само сознание того, что у меня есть эти волшебные камни, придавало сил.

– Потому что знали, что, если не сможете чего-то добиться сами...

– Да, я знала, что тогда меня выручит камень. И почти всегда яправлялась сама. Последние два камня пролежали нетронутыми больше двадцати лет. А сегодня я проснулась и поняла, что ночью умру и мне некому передать камни.

– А... родные? Ой, простите...

– Нет-нет, родные есть. Дочь, внуки, правнуки. Но они все в Канаде. Уехали больше двадцати лет назад. Они и меня звали с собой. Но я не смогла покинуть... его...

– Его?.. М-м-м... мужа?

– Нет, мужа уже не было. Я не смогла покинуть его... Я не смогла покинуть город.

– Вы извините, мне просто показалось, что вы о человеке говорите.

– Что ж, отчасти это так и есть. Петербург – не знаю, человек ли он, но...

– Он личность, да?

– Да. Вы это тоже чувствуете? Значит, камень не напрасно выбрал вас.

– Камень?

– Да. У меня оставалось два камня. Сегодня я бросила один из них с Дворцового моста, пожелав, чтобы появился кто-то, достойный того, чтобы я отдала ему последний камень. А потом добралась до Александровского сада и стала ждать. И вот появились вы. Теперь этот камень – ваш. А мне, пожалуй, пора с вами проститься. Будьте добры, проводите даму до парадной.

* * *

Шпиль Петропавловского собора терялся в сумеречном небе, и, несмотря на подсветку, золотистый Ангел был уже почти неразличим. Может быть, он ждал, когда совсем стемнеет, чтобы разжать пальцы, отпустить огромный крест и улететь. Но пока его силуэт ещё угадывался там, в сизых облаках, пока ещё оставалось время до на-

ступления ночи. Ещё можно было сделать то, что так хотелось сделать, пусть даже, понятно, никакого волшебства в камне и не было, да и слова старушки о том, что ей суждено умереть ночью, тоже, конечно, ничего не значили.

Вадим раскрыл ладонь и посмотрел на странный подарок. Перевёл взгляд на стальные волны вечерней Невы. Протянул руку над парапетом моста и выпустил камень. В сумерках он не видел, как камень погрузился в воду, но знал, что всё получилось, что его желание сейчас опускается на дно реки, на берегах которой когда-то воплотилась воля одного человека.

* * *

... Вадим выскочил из троллейбуса и побежал к Александровскому саду. Как и вчера, весеннее утро обрушило на него свою горьковатую свежесть.

... Она сидела на той же скамейке, синими-синими глазами вбирая в себя небо, искры весеннего солнца в струях фонтана, первые крохотные листочки. Ветер колыхал вуалетку старомодной шляпки, играл россыпью каштановых кудрей. Она казалась беспечной и яркой, как сама весна. И такой же немыслимо юной.

